

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).065"1756/1763"

«СЕРБСКОЕ ДЕЛО»
В РУССКО-АВСТРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ВО ВРЕМЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1763 ГОДОВ

М. Ю. Анисимов

Российская академия наук, институт российской истории

В годы Семилетней войны (1756–1763) Россия и Австрия были союзниками по борьбе с Пруссией. Несмотря на это, их отношения осложнял сербский вопрос. Петербург делал постоянные представления в защиту австрийских сербов от притеснений католиков, но ситуация не менялась. В итоге русское правительство решило на будущем послевоенном мирном конгрессе настоять на включении в общеевропейский мирный договор гарантию прав православных в германских землях. Планы русского покровительства православным в Европе не были реализованы из-за выхода России из Семилетней войны после смерти императрицы Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: Семилетняя война, русско-австрийские отношения, русско-сербские отношения, российская дипломатия.

Эпохе Семилетней войны 1756–1763 гг. в отечественной историографии уделено мало внимания. Участию России в Семилетней войне в до-революционное и послереволюционное время посвящены всего две монографии¹. О деятельности же российской дипломатии в годы этой войны отдельных работ не было. Можно отметить лишь затрагивающее первый год российского участия в этой войне (1757), когда Петербург и Вена находились в союзе против Пруссии, исследование русского историка Е. Н. Щепкина о русско-австрийских отношениях, написанное по документам австрийских архивов².

Материалы российской дипломатической переписки, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ и касающиеся русско-австрийских отношений этого периода, до сих пор не исследовались, их привлекал для своих работ по истории сербского населения австрийских владений лишь Ю. В. Костяшов³.

Помимо собственно союзнических отношений, разработки планов военных кампаний, согласования позиций и целей в войне, в русско-австрийских

¹ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: в 3 тт. М., 1886–1891; Коробков Н. М. Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.

² Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902.

³ Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

отношениях времён Семилетней войны существовала, пожалуй, единственная серьёзная проблема, осложнявшая двусторонние отношения.

«Сербское дело», как именовали русские дипломаты эту проблему, включало решение двух задач: обеспечения возможности выхода австрийских сербов на русскую службу и поселения на южных границах России, а также дипломатической поддержки соблюдения их прав австрийскими властями. Проблема возникла в 1751 г., когда австрийский двор в рамках военных реформ расформировал сербскую милицию, переведя оставшиеся полки в разряд регулярных. Часть сербских офицеров расформированной пограничной милиции обратились к российской императрице Елизавете Петровне с просьбой перейти на её службу и получить земли для поселения в России. Елизавета согласилась, австрийская государыня Мария-Терезия, стремясь сделать приятное своей союзнице, разрешила переселение. Число сербов, желающих покинуть австрийские владения, стало огромным. Опасения оголить южные границы своих земель и нежелание предстать перед Европой государыней, от которой массово бегут подданные, заставили Марию-Терезию всячески затруднять сербам отъезд. Однако всеми правдами и неправдами, пользуясь поддержкой российских дипломатов, сербские офицеры продолжали настаивать на отъезде.

Отношения между Россией и Австрией неожиданно стали обостряться, в итоге это привело к отзыву российского посла в Вене графа М. П. Бестужева-Рюмина. При новом после, курляндце графе Г. К. Кейзерлинге отношения Вены и Петербурга потеплели, однако и он был вынужден заниматься либо многочисленными прошениями сербов о собственном переходе в Россию, либо ходатайствами тех, кто уже ранее переселился в Россию, об испрашивании разрешений австрийского двора на выезд в Россию своим родственникам⁴.

При подготовке к Семилетней войне австрийцы, заботясь о своей армии, вообще запретили отъезды офицеров. Россия отнеслась к этому с пониманием, и теперь русская миссия в Вене в основном занималась выходящими в Россию черногорцами, не являвшимися австрийскими подданными.

Австрийцы относились к переходу черногорцев на русскую службу через их территории настороженно, опасаясь, что Османская Порта может предъявить им претензии по поводу своих подданных, которыми считались как черногорцы, так и, тем более, её настоящие подданные из славянских земель, часто ради получения разрешения на выход выдававшие себя за вольных черногорцев.

Российскому послу в Вене довольно часто приходилось вмешиваться в проблемы черногорских переселенцев и добиваться от австрийских властей либо разрешения большим партиям черногорцев пересечь австрийско-турецкую границу, либо освобождения задержанных в австрийских крепостях черногорцев.

⁴ Подробнее см.: *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в середине XVIII века (От Ахенского мира до начала Семилетней войны). М., 2012. С. 115–129.

Несмотря на запреты австрийцев на выход их собственных офицеров в русскую службу, российская дипломатия по-прежнему ходатайствовала за отдельных людей.

О выходе в Россию в первой половине 1757 г. просили братья Семен и Павел Черновичи, и их просьбу поддержал посол Кейзерлинг: «... они оба люди ученые, и их можно во что-нибудь употребить»⁵. Вена разрешила их отъезд, что облегчалось и тем, что оба брата были холостые, уроженцы Черногории и родственников в Австрии не имели.

Майор российской службы и известный мемуарист серб Симеон Пишчевич просил добиться разрешения на выезд в Россию для своего племянника, поручика Петроварадинского полка Георгия Пишчевича, и шурина – капитана банатской ландмилиции Федора Калавичина⁶. Австрийский ротмистр Гаврила Виткович, отпущенный своими властями в Россию по делам наследства, захотел остаться там вместе со своей семьей и перейти на службу к Елизавете Петровне, и в этом случае русскому посольству Петербург предписывал добиться разрешения от австрийцев на такой переход. Австрийский поручик Василий Бугарский пошел еще дальше. После безуспешных просьб к своему начальству отпустить его в Россию Бугарский уехал из Австрии сам, вместе с Витковичем и майором Пишчевичем. Прибыв в Россию, он обратился к русскому двору с просьбой оставить его здесь и разрешить выехать из Австрии его семье – матери и брату с женой и детьми. С подобными просьбами о выходе семей обращались в русскую миссию и нижние чины – капралы, вахмистры, рядовые гусары.

По поводу выхода сербов Кейзерлинг в начале июля 1757 г. имел конференцию с австрийским канцлером графом В. А. Кауницем-Ритбергом, который сообщил русскому послу, что «ее величеству императрице-королеве весьма прискорбно, что желание вашего императорского величества (Кейзерлинг писал на имя Елизаветы. – М. А.) исполнить не может так, как бы то по истинной своей дружбе учинить со всякою готовностью хотела»⁷. Австрийцы ссылались на необходимость обеспечения собственной безопасности в войне, на свою нужду в «иллирийских народах» на турецкой границе, особенно после потери Белграда в 1739 г., и на то что ранее они отпускали сербов исключительно ради дружбы Елизаветы Петровны и Марии-Терезии. Вена просила русскую императрицу: «... повелеть соизволите, дабы у выпущенных отсюда иллирийцев таких непристойных прошений впредь не принимать, но единожды навсегда в том отказать»⁸. Вместе с тем Кауниц подтвердил, что австрийцы намерены дозволить выход «женам и незамужним дочерям» тех, кто находится теперь на российской службе, но не всем, кого вписывают в свою родню «иллирийцы».

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1757 г. Д. 6. Л. 98.

⁶ Там же. Д. 5. Л. 199.

⁷ Там же. Д. 7а. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 27 об.

Аналогичные сообщения по приказу Кауница через пару недель были направлены русским властям и через австрийского посла в Петербурге графа Н. Эстергази.

Впрочем, бывали случаи, когда запрет австрийцев на переход в русскую службу не действовал. Прибывший в Россию вместе с митрополитом Василием Петровичем черногорский сердарь Вукал Вукотич сообщил о том, что в Россию хочет выехать его племянник, черногорец, австрийский ротмистр (ритмейстер) Славонского гусарского полка Иван Подгоричани (Подгоричани). Василий Петрович, в свою очередь, попросил у русских дипломатов не только добиться для Подгоричани увольнения из австрийской службы как добровольно определившегося туда иностранца, но и после отправить его в Черногорию, чтобы он помогал в формировании там черногорского полка для русской службы⁹. Опытный офицер австрийской школы, Подгоричани заинтересовал российское правительство, и в апреле 1758 г. Петербург отправил рескрипт к Кейзерлингу с предписанием добиться увольнения Подгоричани с австрийской службы, так как он не принимал австрийское подданство и не обязывался быть вечным вассалом Вены. Петербург, приняв предложение митрополита Василия, планировал использовать Подгоричани при формировании отдельного черногорского гусарского полка¹⁰.

17 мая 1758 г. Герман Карл Кейзерлинг вручил Кауницу ноту с просьбой отпустить Ивана Подгоричани в Россию, однако дело снова ожидало застопорилось. Кейзерлинг 26 декабря 1758 г. (6 января 1759 г.) писал в личном письме к российскому канцлеру графу М. И. Воронцову, что после отзыва из действующей австрийской армии в Саксонии Подгоричани явился к нему и получил на руки промеморию посла для Кауница с просьбой выдать паспорт офицеру и его семье. За два месяца, прошедшие с тех пор, Кейзерлинг много раз словесно напоминал австрийскому канцлеру об этом деле и трижды вручал письменные запросы, но ответа по-прежнему не было. Российский посол подозревал, что австрийцы тянут намеренно – ставший уже майором Подгоричани был храбрец и на хорошем счету у начальства. Подгоричани отказался остаться в австрийской армии, мотивируя тем, что он уже дал слово Кейзерлингу. Как считал посол, австрийцы, вынуждая Подгоричани столь долго жить в Вене за свой счёт, ожидая решения, тем самым теперь пытаются вынудить небогатого майора передумать из-за финансовых трудностей¹¹.

28 апреля (9 мая) 1759 г. Кейзерлинг смог отправить в Россию Подгоричани, после пятимесячного ожидания, наконец, получившего паспорт 31 декабря 1758 г. В письме Воронцову посол снова отмечал положительные качества нового российского офицера, которого хвалил весь австрийский генералитет. Подгоричани был даже на аудиенции у Марии-Терезии по её персональному приглашению. Императрица-королева, как сообщил

⁹ Там же. 1756 г. Д. 5. Л. 148–148 об.

¹⁰ Там же. 1758 г. Д. 5. Л. 162.

¹¹ Там же. Д. 7а. Л. 245–245 об.

сам черногорец в донесении русским, в беседе с ним спрашивала о причинах отъезда, говорила, что не знала, что русские просят именно о нём, об офицере, которого так хвалит командующий австрийской армией фельдмаршал граф Л. фон Даун.

На следующий день к Подгоричани приехал комендант Вены генерал барон фон Энгельсхофен (его бывший командир) и сообщил ему, что Мария-Терезия планирует произвести Подгоричани в полковники и назначить его командиром его же нынешнего полка. Для этого Подгоричани нужно было лишь написать прошение австрийской государыне, что он передумал уходить в российскую службу и просит остаться. Подгоричани отказался, снова мотивируя отказ тем, что он уже дал слово Кейзерлингу и переменить его не может, на самом деле, как он сам написал русским, давно желая служить именно России.

После этого он снова был приглашён к Марии-Терезии, которая уже лично повторила ему своё предложение. Подгоричани ответил, что его жена уже продала их дом в Славонии и с вещами приехала к нему в Вену. Мария-Терезия попросила представить ей жену Подгоричани и после знакомства с ней, держа майора за руку, вырвала сожаление о его отъезде¹².

Кейзерлинг писал Воронцову, что к всеобщему удивлению австрийских военных и придворных Подгоричани так и остался твёрд в своём желании перейти на русскую службу. Когда же австрийцы спросили Подгоричани о том, какой же чин его ждёт в России, тот, не зная точного ответа, сказал, что полагается в этом на милость великой русской государыни, которая уже удостоила его чести приглашением в свою армию. Ответ понравился Кейзерлингу, который и сообщил о нём Воронцову, рекомендуя тому Подгоричани и прося проследить, чтобы такой офицер не был обойдён в России достойным чином. Кейзерлинг дал Подгоричани в долг 500 червонных, которые потом были возвращены послу из государственных денег. Черногорец просил русские власти найти его жене место для проживания в России, а для себя – быстрее отправить его в действующую армию и дать ему под командование какой-нибудь гусарский корпус (в австрийской службе, в которую Подгоричани вступил в 1739 г., во время Семилетней войны фельдмаршал Даун поручил ему командование гусарским отрядом, действующим в авангарде его армии)¹³.

«Мы в нём, конечно, не ошиблись, и можем от него много пользы надеяться»¹⁴, – резюмировал Кейзерлинг своё впечатление от Подгоричани. Кейзерлинг не ошибся, в России Иван Михайлович Подгоричани по предложению посла сразу получит чин полковника (семья будет определена на жительство в Киеве)¹⁵ и за одиннадцатилетнюю службу успеет стать геро-

¹² АВПРИ. Ф. 86: Сношения России с Сербией и Славонией. Оп. 1: 1758–1759 гг. Д. 4. Л. 7 об.–8 об.

¹³ Там же. Л. 6–9 об.

¹⁴ Там же. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1759 г. Д. 5. Л. 180 об.

¹⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: док. М., 1984. С. 243.

ем Семилетней войны (участником захвата Берлина и ареста за измену генерала Г. К. Г. Тотлебена), войны с барскими конфедератами и русско-турецкой войны, получить графский титул, заслужить покровительство Екатерины II. Он выйдет в отставку по старости и болезням в 1770 г. в звании генерал-поручика.

В русскую миссию к Кейзерлингу с просьбой о разрешении переехать в Россию и служить Елизавете Петровне обратился также Степан Балевиц, урождённый черногорец, уже несколько лет живший в австрийских владениях. Балевиц когда-то попал в плен к туркам, откуда его выкупил боснийский архиепископ, и далее он под его покровительством учился в Сараево, пока в 1753 г. не выехал в Венгрию, где устроился работать вице-нотариусом. Последним местом его работы были Карловцы, и теперь он просил разрешения перейти на русскую службу.

Кейзерлинг поддержал просьбу Балевица в реляции в Петербург, отмечая, что Россия в его лице получит хорошего чиновника – Балевиц несколько лет учился в германских университетах, знал немецкий и латинский языки, имел опыт работы нотариусом в Австрии. Кейзерлинг отправил Балевица в Россию с переводчиком посольства Алексеем Волковым, переведённым в миссию в Варшаве, предварительно попросив его написать сообщение о внутреннем положении Черногории, что тот и сделал. В своём «Существительном описании Черных Гор» Балевиц, описав черногорцев как храбрый и дикий народ с «всеобщим» правлением, более всего сокрушался, что в стране нет ни одной школы¹⁶.

В деле Балевица обращают на себя внимание некоторые странности. Почему Кейзерлинг не стал спрашивать, как ранее, у Петербурга разрешения на отправку в Россию Балевица, а сразу отправил его туда? Почему посол не обращался к австрийским властям за разрешением на увольнение Балевица? Почему, наконец, Балевиц поехал не обычным путём из Вены в Россию, как все остальные, имевшие паспорта, а отправился туда через Варшаву, да ещё в сопровождении русского дипломата, следовавшего в польскую столицу по делам?

На эти вопросы есть ответы в мемуарах Симеона Пишчевича и статье российского историка Ю. В. Костяшова. По словам Пишчевича, находившиеся в пограничном турецко-австрийском Петроварадине для вывода приходящих туда черногорцев майор русской службы Степан Петрович и помогавший ему поручик Яков Эздемирович, встретив затруднения в вербовке черногорцев, решили втайне набрать людей из австрийских подданных, для чего им был нужен местный человек. Узнав о том, что в Карловцах в должности синдика (некто вроде юриста при городском правлении) служит его земляк С. Балевиц, С. Петрович установил с ним контакт и предложил вместе набирать в карловацкой округе людей, приходящих из турецких и австрийских земель сюда на заработки. Балевиц, по утверждениям добровольцев, выписывал им документы, что они черногорцы, были в

¹⁶ АВПРИ. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1757 г. Д. 6а. Л. 159–162.

Карловцах на заработках и теперь свободны, а Петрович уже вербовал их в русскую службу как вольных черногорцев.

Это вскоре открылось, когда от польской границы вернулось два таких завербованных человека, которые рассказывали о том, как они стали черногорцами. Балевич, опасаясь последствий, срочно взял отпуск и прибыл в Нейзатц (Нови Сад), где тогда находился российский майор С. Пишчевич. Прибыв к нему, Балевич пал перед майором на колени и с плачем стал умолять спасти его, пересказав всю историю с майором Петровичем. Пишчевич, имея строгое повеление вербовать только черногорцев, отказал Балевичу, которому он не мог доверять, и тот ушёл. На следующее утро Балевича уже искали в городе местные власти. Вечером Пишчевича посетил его приятель, который просил его помочь Балевичу, так как тот работал на Россию, и если его поймут и всё дело откроется, то, помимо сурового наказания самого Балевича, которого может ожидать и смертная казнь, будет нанесён ущерб российским интересам. Пишчевич полностью доверял своему приятелю, которого он на всякий случай не назвал в записках по имени, и попросил день на раздумья, в результате которых он решил тайно отправить Балевича в Вену, написав по этому поводу письма послу Кейзерлингу и секретарю посольства Волкову с просьбой помочь Балевичу. Приятель Пишчевича снабдил Балевича паспортом, одеждою, повозкой, и под видом купца из турецких земель Балевич отбыл из Нови Сада в Вену к Кейзерлингу.

Ю. В. Костяшов выяснил, что настоящее имя Балевича было Иван Степанов Балевич, а назвался он именем Степан на всякий случай, опасаясь, что посол может не помочь ему, узнав о причастности к мошенничеству при вербовке на русскую службу¹⁷.

Интересно, что далее в своих мемуарах Пишчевич пишет, что Кейзерлинг не оказал помощи Балевичу, предложив тому самостоятельно ехать в Россию, и тот поехал в Петербург через Варшаву¹⁸, однако реляции в Петербург самого Кейзерлинга свидетельствуют об обратном – вероятно, опытный дипломат на всякий случай скрыл ото всех своё участие в опасном деле и запретил говорить о своей помощи самому Балевичу, отправившему с дороги письмо Пишчевичу. Балевич сообщил о помощи ему со стороны Кейзерлинга только уже в России, в прошении Елизавете Петровне¹⁹.

Ко всему прочему Иван Балевич был первым уроженцем черногорских земель с докторской степенью – он защитил диссертацию по философии в Галле в 1752 г. В России Балевич из-за своих знаний получил сразу чин капитана и был направлен в Слободской полк. Умер он в 1769 г.²⁰

¹⁷ Костяшов Ю. В. Йован Балевич и его «Описание Черногории» // Славяноведение. 1998. № 1. С. 39.

¹⁸ Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича 1731–1785. М., 1884. С. 248–256.

¹⁹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 214.

²⁰ Костяшов Ю. В. Йован Балевич и его «Описание Черногории». С. 38–40.

В современной сербской и черногорской историографии появилась версия, что черногорский самозванец Степан Малый (появившийся в Черногории в конце 1766 г. и выдававший себя за русского царя Петра III, которому удалось взять власть в стране и править до 1774 г., когда он был убит турецким агентом) и Иван Балевиц – одно и то же лицо²¹. Однако эта версия не согласуется с тем, что известно о Балевице в России, в которой тот в чине майора находился на службе в 1769 г., когда Степан Малый уже правил Черногорией. В недавно опубликованных «Записках» фельдмаршала Прозоровского его подчинённый майор Балевиц тоже упоминается в записи от 13 февраля 1769 г. как получивший от него приказ²².

Но это будет много позже, пока же вернёмся к вербовке на русскую службу. В 1758 г. поручик русской службы черногорец Я. Эздемирович уже собрал более восьми сотен человек и запросил у Кейзерлинга денежные средства на их содержание и отправку в Россию. Кейзерлинг обратился за инструкциями в Петербург, указав, что большинство набранных являются турецкими подданными. В ответ ему сообщалось, что действия Эздемировича были неосторожны и, возможно, поручику стоит уехать в Россию во избежание осложнений. Впрочем, дальнейшая судьба Эздемировича и его людей поручалась на усмотрение Кейзерлинга. Послу опять напоминалось, чтобы он брал в русскую службу только вольных людей²³. В итоге в июле 1758 г. люди Эздемировича были отправлены в Россию тремя колоннами. Сделанные ими во время поста в австрийских городах долги ещё некоторое время выплачивало российское посольство.

В начале 1759 г. в Петербурге решили отказаться и от вывода черногорцев, так как опасались ухудшения отношений с Турцией, которая, как сообщал из Стамбула русский резидент А. М. Обресков, стала благосклонно смотреть на стремление прусского короля Фридриха II направить в турецкую столицу своего постоянного посланника и подписать с Турцией любой дружественный договор. В этих условиях давать Порте новый повод для обид на российское правительство было опасно. Признавая, что вывод черногорцев в Россию полезен, его всё же сочли слишком опасным, так как «нынешние обстоятельства требуют Оттоманскую Порту всячески менажировать» (от фр. «бережно обращаться, осторожничать». – М. А.)²⁴. Тем черногорцам, которые желают выйти в Россию, следовало самостоятельно, на свой страх и риск, следовать к русским границам. Это предложение сле-

²¹ Петровић Р. В. Шћепан Мали – загонетка је решена. Београд, 2002; Мартиновић Д. Др. Јован Стефановић Балевић (или Шћепан Мали). Подгорица, 2002. Об этой версии в своей книге сообщил, без её оценки, и сербский академик М. Экмечич: *Екмечич М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992)*. Београд, 2011. С. 98. В самой Черногории в исторических работах эта версия опровергается различием почерка в Балевица и Степана Малого (*Zanović S. Šćepan Mali / Prig. D. Kujović i M. Milić. Podgorica, 2010. S. 412–413*).

²² Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 207.

²³ АВПРИ. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1758 г. Д. 5. Л. 141–143.

²⁴ Там же. 1759 г. Д. 4. Л. 43 об.

довало хранить в тайне. Российским офицерам, организующим вывод черногорцев, было предписано возвратиться в Россию. Капитану сербу И. Маркову, впрочем, разрешили вывести с собой последнюю партию в 250 черногорцев, уже собравшихся в Петроварадине, для чего послу Кейзерлингу поручалось занять у венских банкиров 2500 червонцев²⁵. Майор С. Петрович попросил длительный отпуск для решения своих домашних дел.

В саму Черногорию с русской субсидией в 15 тыс. руб. и грамотой Елизаветы к черногорскому народу по этому же распоряжению был отправлен переведённый на гражданскую службу коллежским советником Степан Пучков, в должности полковника ранее встречавший черногорских переселенцев в морском австрийском порту Триест.

Помимо рутинных и привычных просьб о разрешениях на выход, Россию и Австрию едва не рассорило новое дело, снова связанное с положением сербов в Австрийской монархии.

В Россию прибыл неназванный серб с жалобами российскому Сенату на действия католической церкви и австрийских властей в отношении православных сербов. Эмиссара расценили как «надежного человека»²⁶, словам которого можно верить. Изложенное им было настолько возмутительным, что вызвало явный гнев если не самой Елизаветы Петровны, то высокопоставленных чинов в Коллегии иностранных дел и, скорее всего, защитника православных вице-канцлера М. И. Воронцова.

В Коллегии иностранных дел послу Кейзерлингу 15 июля 1757 г. был написан рескрипт № 39, где сообщалось, что в России «уведомились о неслыханных притеснениях и гонениях, которые претерпевает от католиков сербский православного греческого исповедания веры народ, от чего приведен он в крайнее отчаяние». По этому поводу Россия направляет промеморию австрийскому послу в Петербурге графу Н. Эстергази, и послу Кейзерлингу следовало подкреплять её своими представлениями в Вене. В рескрипте оговаривалось, что Россия не стала бы вмешиваться в это дело, «если бы не побудило нас к тому великодушие наше и любовь к единому с нами сербскому народу»²⁷. К рескрипту прилагалась копия промемории для Эстергази.

В промемории сообщалось, что российское правительство узнало о притеснениях сербского народа. Далее, судя по всему, пересказывались жалобы на действия австрийцев, донесённые в Россию сербским представителем. Все данные сербам привилегии от австрийских монархов действительны только в военное время, когда они нуждаются в сербах, а в мирное время они ничего не стоят. Католики в Австрии планируют уничтожить православие полностью, и в 1754 г. австрийскими властями был издан указ, что все сербы должны перейти в католичество, а отказавшиеся будут повешены. Сербов в Австрии постоянно оскорбляют, называют еретиками, богоотступниками, неверными, ругают само православие, утверждают, что

²⁵ Там же. Л. 63–63 об.

²⁶ Там же. 1757 г. Д. 5 а. Л. 62.

²⁷ Там же. Д. 5. Л. 294.

ни один православный в рай никогда не попадёт. Самых знатных сербских православных офицеров и священников бросают в тюрьмы, австрийский командующий в Хорватии, Далмации и Трансильвании граф Питацци разорил в Хорватии православный монастырь Архистратига Михаила и велел перебить всех православных монахов и священников. Католики в сербских храмах оскверняют причастие, бросают в алтари «всякий смрадный кал»²⁸, изгоняют из них прихожан, офицеры-католики стреляют в храмах и даже совокупаются в них со своими жёнами.

Петербург напоминал Вене, что они друзья и союзники, но подобных вещей по отношению к православию быть не должно, и просил австрийские власти защитить ранее выданные сербам привилегии. Если же Австрии сербы не нужны, то пусть Вена разрешит их переселение в Россию, так как в ином случае сербы могут перейти к общему неприятелю обеих союзных держав – Османской империи.

Естественно, что сообщения о подобных фактах притеснений православия могли затмить гневом разум любого православного в российских верхих. Но в итоге рескрипт № 39 и аналогичная ему промемория для Эстергази легли на стол тогдашнему канцлеру графу А. П. Бестужев-Рюмину, убеждённому стороннику сохранения русско-австрийского союза. 2 августа канцлер через своего секретаря вернул эти документы в Коллегию иностранных дел с сообщением о том, что в таком виде ни промеморию, ни рескрипт отдавать нельзя из-за выражений, там содержащихся. Бестужев-Рюмин предложил не вручать австрийскому послу промеморию, а отправить к Кейзерлингу новый рескрипт с выписками из писем сербского жалобщика²⁹. Вице-канцлер граф М. И. Воронцов, сторонник покровительства заграничным православным, согласился с этим, и рескрипт № 39 «не состоялся и уничтожен совсем»³⁰, вместо него был отправлен рескрипт № 48. В немецком оригинале промемории для Эстергази были тщательно вырезаны подписи. На переводе промемории указаны подписи Бестужева-Рюмина и Воронцова. Факт удаления подписей на оригинале, скорее всего, означает то, что Воронцов эту промеморию подписал, но потом, из-за отказа канцлера, был вынужден распорядиться изъять свою подпись из несостоявшегося документа.

Рескрипт № 48 готовился более тщательно и, возможно, при непосредственном участии канцлера Бестужева-Рюмина. Отправлен он был только 12 сентября. В нём было указано, что в Петербурге с прискорбием узнали, что австрийцы не разрешают выезжать в Россию семьям российских офицеров. Россия, как указывалось в рескрипте, далека от того, чтобы ослабить Австрию, и никого из сербов не побуждала к переходу в Россию, «но паче из великодушия и любви к такому единоверному народу»³¹, людям из которого разрешили уехать и просит отпустить только их семьи.

²⁸ Там же. Л. 295 об.

²⁹ Там же. Л. 302.

³⁰ Там же. Л. 294.

³¹ Там же. 1757 г. Д. 5а. Л. 59 об.

Это будет и в интересах Австрии, так как Россия – её союзник, и эти люди лучше пусть переходят к ней, чем в Турцию.

Петербургу были прискорбны известия о притеснениях сербов, которые, хотя и опровергались Веной, всё же должны были бы обратить на нужды сербов участливое внимание австрийских властей. Однако, вопреки таким ожиданиям, в Россию поступили новые жалобы от сербов, которые «принесены прямо оттуда от достоверной персоны к нашему Сенату»³². Не вмешиваясь во внутренние дела Австрии, Россия сообщала, что делает это представление исключительно ради единоверия с сербами.

От посла Кейзерлинга Петербург ждал «искусного заступления» за сербов, и если сербский народ не нужен Австрии, то пусть его отпустят в Россию. Послу предписывалось сообщить о том впечатлении, которое произведут на австрийцев эти «дружеские представления», и поручалось «способствовать и споспешествовать благополучию и делам одного сербского народа»³³. В качестве приложения к рескрипту Кейзерлингу отправлялся экстракт жалобы сербского «надёжного человека» в Сенат.

Несмотря на значительное сглаживание остроты выражений в отправленном к Кейзерлингу рескрипте, Ю. В. Костяшов назвал его «самым резким и открытым выступлением России в защиту австрийских сербов в течение всего XVIII в.»³⁴

В начале декабря 1757 г. Кейзерлинг получил рескрипт № 48 и имел устные переговоры по этому поводу с Кауницем. Австрийский канцлер попросил русского посла сообщить ему точное содержание жалоб. Кейзерлинг сообщил факты, которые были изложена в приложении к рескрипту. Кауниц ответил письменно, вероятно, решив всё выяснить.

Ответ австрийского канцлера гласил, что его государыня всегда защищает права иллирийского народа и очень удивлена этими мнимыми утеснениями, также удивлено и католическое духовенство. Далее следовали попунктные возражения на жалобы.

В ответ на обвинение в издании указа в 1754 г. о всеобщем принятии сербами католицизма австрийские власти ответили, что такого указа никогда не было, напротив, в 1751 г. Мария-Терезия подтвердила все привилегии сербского народа. Относительно жалоб на факты оскорблений православия католиками в ответе признавалось, что отдельные факты имеют место, но если на них властям жалуются представители православного духовенства, то австрийские власти всегда наказывают таких хулителей православия. В тексте же русских жалоб никаких конкретных имён не указано.

По поводу третьего пункта, о графе Петацци и изгнании православных из Архангело-Михайловского монастыря, австрийские власти сообщали, что Петацци указанную в жалобе должность не занимает, а монастырь был передан католикам потому, что принадлежал им ранее, пока право-

³² Там же. Л. 60.

³³ Там же. Л. 60 об.

³⁴ Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии. С. 74.

славные не изгнали их оттуда³⁵. На четвёртый пункт, о жалобах на лишение сербов причастия, австрийцы ответили, что это не так, у православных много храмов и монастырей, где можно свободно причащаться. 5, 6 и 7-й пункты о возмутительных действиях католиков в православных храмах австрийские власти категорически опровергали, обосновывая это тем, что католики сами верующие и не могут себя так вести в христианских храмах, и вообще такое поведение «строжайшего истязания достойно». На последний пункт о том, что всех сербов насильно склоняют в унию, записка Кауница сообщала, что указами Марии-Терезии это запрещено, и в случае таких фактов сербы жаловались бы в Вену, а не в Петербург³⁶.

Ю. В. Костяшов согласен с тем, что поражающие воображения жалобы на притеснения сербов имели и намеренную гиперболизацию: «В обращениях в российскую столицу сербы никогда не жалели красок и, словно соревнуясь друг с другом, к реальным фактам притеснений прибавляли разные небывлицы, а также множество зловещих подробностей, рассчитанных на чувствительность адресата»³⁷.

В качестве приложения к записке Кауница было представлено письмо Марии-Терезии к сербскому митрополиту Павлу Ненадовичу от 14 июля 1757 г., в котором императрица-королева осуждала склонение в унию в венгерском Бихарском комитате (на границе с Трансильванией), сообщая, что если кто будет такое практиковать, то будет лишён либо имения, либо сана, либо будет арестован, оштрафован и наказан палками (в зависимости от сословной принадлежности)³⁸.

Кейзерлинг, судя по всему, больше об этих жалобах не заговаривал, но в августе 1758 г. он получил рескрипт, в котором напоминалось об опровержении Веной всех обвинений со стороны сербов и указывалось, что сербы по-прежнему обращаются с теми же жалобами в Петербург³⁹.

В это время в российских верхах произошли значительные перемены – канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин в феврале 1858 г. был арестован по обвинению в узурпации власти, а главой российской дипломатии стал вице-канцлер граф М. И. Воронцов. Это означало усиление внимания русского правительства к православным сербам и ослабляло стремление русского правительства к сохранению союза с Австрией любой ценой, главным сторонником которого был канцлер Бестужев-Рюмин.

В целом охлаждение отношения России к Австрии соответствовало взглядам российского посла в Вене, яркого лютеранина курляндца Кейзерлинга, и он стал осторожно бросать семена розни между двумя союзными государствами, используя теперь и положение православных в Австрии.

³⁵ Речь шла о монастыре Марче. В итоге австрийские власти приказали для прекращения конфликтов католиков и православных снести монастырь и распродать его на строительные материалы (*Костяшов Ю. В. Сербия в Австрийской монархии. С. 73–74*).

³⁶ АВПРИ. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1757 г. Д. 7с. Л. 174–179.

³⁷ *Костяшов Ю. В. Сербия в Австрийской монархии. С. 75*.

³⁸ АВПРИ. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1: 1757 г. Д. 7с. Л. 180–181 об.

³⁹ Там же. 1758. Д. 5. Л. 289.

16 (27) сентября 1758 г. Кейзерлинг сообщил в Петербург о жалобах братьев Черновичей, которые, собираясь отбыть в Россию, улаживали свои имущественные дела в австрийских землях. Оказалось, что та деревня, которую они купили в Сегедском уезде, принадлежит им незаконно, так как, по указу 1723 г. (подтверждённому Марией-Терезией в 1741 г.), в Далмации, Хорватии и Славонии недвижимым имением могут владеть только католики, и потому их купчая самой Марией-Терезией была признана недействительной. В связи с этим Кейзерлинг в реляции пустился в несвойственные ему ранее пространные эмоциональные рассуждения. Он писал, что с католической церковью «никогда другие христианские веры безопасно не пребывали», так как она хочет всех подчинить себе, чему примером являются Великое княжество Литовское и Малая Польша. Кейзерлинг выражал своё сочувствие сербам, так как «просвещение Евангелия спознали сперва сии народы от Восточной церкви, они все к оной обратились, но где теперь их церкви? Где старые Восточной церкви исповедники? Первые отняты, а другие в самое малейшее число приведены с того момента, как тамо учение и духовная власть римского папы единожды вкоренились»⁴⁰. Посол писал, что нужно помочь им, что австрийские католики идут на уступки только тогда, когда нуждаются в России (эти слова в реляции подчеркнуты её читателем, либо Воронцовым, либо обер-секретарем Коллегии иностранных дел И.О. Пуговишниковым). В качестве действенной меры Кейзерлинг предлагал в случае мирных переговоров в конце войны с Пруссией или при заключении каких-нибудь других трактатов с Австрией добиться от неё внесения в договор обязательств соблюдения прав австрийских православных. И затем, в случае жалоб на ущемление их прав, апеллировать именно к этим статьям международных конвенций, так как нынешнее их отсутствие позволяет австрийцам отклонять все русские представления, как затрагивающие внутренние дела Австрии.

В качестве примера полезности таких статей Кейзерлинг приводил ситуацию в русско-польских отношениях: «Такое ж попечение имел государь Петр Великий славы достойнейшей памяти при заключении в 1686 г. трактатов с короною польскою»⁴¹ (Петру на момент переговоров о русско-польском «Вечном мире» 1686 г. было только 14 лет, страной руководило правительство регента, царевны Софьи, однако эти «мелочи» для убеждения Елизаветы были «не обязательны»). Конечно, писал курляндец, эти статьи не прекратили нарушений прав православных, но кто знает, какие были бы гонения на них, если бы не было этих статей? Кейзерлинг, бывший посланником при дворе польского короля с перерывами в 1733–1744 и 1749–1752 гг., вспоминал, что именно благодаря 9-й статье Вечного мира России с Польшей польские власти вынуждены были назначать православных епископов в своих землях.

В октябре 1758 г. Кейзерлинг, отвечая на рескрипт о том, что, несмотря на русские представления и опровержения австрийцев, православные

⁴⁰ Там же. Д. 7. Л. 314.

⁴¹ Там же. Л. 316.

Австрии продолжают жаловаться, полностью соглашался с жалобщиками, возмущаясь, что австрийцы только отписываются и ничего не исправляют.

В качестве доказательства Кейзерлинг сообщал новые факты, которые он узнал от прибывшего к нему эмиссара из Семиграда (Трансильвании) Ивана Абрамовича. Посол писал, что предыдущие трансильванские жалобщики ко двору Марии-Терезии либо пропадали после этого, либо оказывались в тюрьмах. В Трансильвании уже было отнято в унию более 500 православных храмов. Причиной этого стала политика австрийских властей, по которой, если священник церкви переходил в унию, за ним должен был перейти в унию и весь его приход, и храм с тех пор становился униатским, даже если среди прихожан больше не было ни одного униата. При этом у католиков была утверждена обратная практика – священника, если он уходил из католичества в протестантизм, изгоняли из храма и назначали туда нового, храм оставался католическим. Вообще такой порядок, по словам Кейзерлинга, специалиста по германским делам, был утверждён 15 статьёй Вестфальского мира.

Со своей стороны, изложив просьбы православных трансильванцев, заключающиеся в защите со стороны России их прав и привилегий в Австрии, помощи в возвращении храмов и назначении их епископом православного, а не униата, Кейзерлинг сообщил Петербургу, что «сие до вольности греческой церкви касающееся дело гораздо важнее, нежели оное может быть в самом начале казалось»⁴². Вероятно, посол тем самым оправдывал свою прежнюю незаинтересованность в деле защиты прав православных в Австрии.

В том случае, если правительство Елизаветы Петровны сочтёт это необходимым, Кейзерлинг обязался подробно ответить на три поставленных им же вопроса:

1. Почему католики притесняют других христиан, несмотря на все выданные им ранее привилегии от властей?
2. В чём именно заключаются «правости» и жалобы православных?
3. Как обеспечить безопасность православных на будущее время?

В Петербурге велели поблагодарить посла за рассуждения и представить и ответ на поставленные им вопросы.

16 (27) декабря 1758 г. Кейзерлинг писал в личном письме Воронцову о прошлогоднем рескрипте по поводу жалоб сербов об оскорблениях их веры: «Представления, которые в прошлом году по указу я учинил о утесненных исповедниках греческой веры, не произвели никакой другой перемены и действия, кроме того, что здесь после того времени ревностнейшее старание прилагаемо было об открытии зачинщика таких принесенных жалоб». Кейзерлинг считал, что пользы от подобных российских представлений австрийским властям не будет и впредь, наоборот, они больше повредят самим жалобщикам, а также способны привести к «неудовольствию» между двумя дворами. Однако, по мысли посла, такие опасения не должны заставить Россию отказаться от дела защиты православия в Австрии: «...

⁴² Там же. Л. 396 об.

но желательно, чтоб сие дело не было такого состояния, чтоб утесненную веру судьбе её оставить»⁴³.

Тем временем подоспел рескрипт из Петербурга с предписанием Кейзерлингу сообщить свои мысли по поводу православных, и посол ответил в реляции от 26 декабря 1758 г. (6 января 1759 г.).

На вопрос о том, почему у православных нет свободы в католических землях, Кейзерлинг писал, что виновато в этом само учение католической церкви, утверждающее, что папа – заместитель Христа на земле. Поэтому католики обязаны абсолютно повиноваться папской воле, и это относится ко всем правителям католического исповедания. Именно по данной причине они преследуют тех, кто не подчиняется папе, им это важнее всех данных ими обещаний и привилегий для христиан других конфессий. Пока Мария-Терезия была слаба, вела войну за право наследовать владения Габсбургов, она подтвердила православным все их привилегии, но когда утвердилась на престоле и завершила войну, стала притеснять их, о чём в Петербург в 1752 г. сообщал предшественник Кейзерлинга, посол М. П. Бестужев-Рюмин. Кейзерлинг резюмировал, что католики будут продолжать притеснения православных до тех пор, пока в их владениях не останется никого из греческой церкви, кто не подчинялся бы папе римскому. Российский посол добавил, что такова практика католических властей не только в Австрии, но и в Венеции, доказательством чему служат сведения православного епископа Далмации Симеона Кончаревича, тайно сообщённые им Кейзерлингу⁴⁴. Естественно, Кейзерлинг позже попросил помочь Кончаревичу присылкой, по его просьбе, богословских книг, отмечая усиления епископа по выведению своего народа из тьмы невежества, в которую его загнали католики.

Вторым пунктом рассуждений Кейзерлинга стал ответ на вопрос о том, чем Россия может помочь православным в Австрии в нынешнее время. Посол представил программу из четырёх пунктов:

1. Добиться того, чтобы «основательные» жалобы православных были признаны за дело, которое достойно общеевропейского обсуждения и без которого послевоенное примирение в Европе будет неполным. Для этого России следует поднять этот вопрос на мирном конгрессе, который будет завершать идущую в Европе войну.

2. Добиться возвращения православным отнятых у них церквей, соблюдения благочиния их богослужений, сохранения православных в утверждённых привилегиях.

3) Обеспечить гарантирование вышеизложенного всеми участниками общеевропейского мирного конгресса.

4) «Чтоб с стороны России сей артикул союзами с другими державами, когда б впредь какие заключаемы были, наиболее утвердить стара-

⁴³ Там же. Д. 7а. Л. 115–115 об.

⁴⁴ Там же. Л. 206–209.

ние прилагалось, дабы всегда австрийский двор воздерживало единожды толь свято обещанные вольности веры и нации нарушать»⁴⁵.

Кейзерлинг явно опирался на принципы защиты прав протестантов в Европе, сформулированные Вестфальским конгрессом, и теперь на новом мирном конгрессе предлагал таким же путём обеспечить в католических странах Европы и права православных.

Вышеизложенные пункты, по мысли Кейзерлинга, откроют для России путь к дипломатической защите австрийских православных. Сами православные будут благодарны России, и учитывая, что австрийские сербы имеют постоянные тесные контакты со своими собратьями по вере в Турции, то и те будут возлагать свои надежды на Россию, «через сие самое российская знатность и партия как здесь, так и в отдаленнейших местах умножаться станет»⁴⁶.

В случае переноса защиты прав православных в плоскость международных договоров представления России австрийским властям по этому поводу будут куда как более действенны, считал посол. В доказательство этого Кейзерлинг приводил события 1707 г., времён Северной войны. Когда католические имперские власти притесняли протестантов в Силезии, то шведский король Карл XII, находясь со своей армией в Саксонии, потребовал от императора Иосифа соблюдения условий Вестфальского мира. Вена, ведя в то же время боевые действия в Баварии, предпочла пойти на уступки шведам и заключила с Карлом XII Альтранштадтскую конвенцию 31 августа 1707 г.

К своей реляции Кейзерлинг присоединил два собственных исследования: о католической политике по отношению к не католикам, со ссылками на папские буллы и цитатами из других документов, и о притеснениях православных в Австрийской монархии (также с опорой на привилегии и грамоты венских властей).

В этот же день Кейзерлинг отправил письмо и вице-канцлеру Воронцову, комментируя свою реляцию. Посол писал, что верховный государь его отечества (т. е. польский король Август III, в вассальной зависимости от которого находилась тогда Курляндия) является католиком, католиками же являются власти той страны, в которой он представляет интересы России, и потому он мог бы не писать свою реляцию просто из опасения последствий для себя лично, ведь «правда бывает часто ненавистным делом», замечал посол. Несмотря на это, сообщал Кейзерлинг Воронцову, он чувствовал себя обязанным выполнить долг перед своей государыней и составил свои исследования исключительно на документах, которые было легко проверить и убедиться в его беспристрастности и правоте. В заключение Кейзерлинг писал Воронцову, что далёк от мысли поссорить оба союзных двора, однако снова не преминул напомнить главе российской дипломатии, что Россия полностью и охотно выполняет свои обязательства перед Австрией, чего нельзя сказать о Вене, от которой русские дипломаты вынуждены «с великим трудом и проволочкою того добиваться»⁴⁷.

⁴⁵ Там же. Л. 210 об.

⁴⁶ Там же. Л. 211.

⁴⁷ Там же. Л. 244 об.

Предложения Кейзерлинга были одобрены в Петербурге, что, в общем-то, сняло прежнюю напряжённость в русско-австрийских отношениях, так как проблемы урегулирования положения православных откладывались до созыва мирного конгресса. Поэтому, когда в Россию прибыл очередной жалобщик на притеснение австрийскими униатами православных, славонский экзарх Геннадий Васич с предложением вывести свою паству в Россию, Петербург отправил его обратно с рекомендацией выходить самостоятельно, малыми партиями, как то уже было предложено другим сербам ранее. Кейзерлингу в рескрипте от 9 июля 1759 г. предписывалось осторожно помогать экзарху, но не делать по его поводу никаких представлений австрийским властям, тем более что и пользы от них нет никакой⁴⁸.

Возможно, что Васич во время визита в Россию решал какие-то личные проблемы, так как Кейзерлинг в реляции от 23 октября (3 ноября) 1759 г. доносил, что Васич был у него, и, так как экзарх находился в конфликте с митрополитом Павлом Ненадовичем, посол счёл наилучшим отправить его в Россию и выдал ему русский паспорт⁴⁹.

В 1760 г. по поручению Петербурга Кейзерлинг обращался и к венецианскому послу в Вене Корнару с просьбой защитить православных Далмации от притеснений, на что жаловался далматинский епископ Симеон Кончаревич. Посол Корнар пообещал свою помощь и предварительно ответил, что сообщил обо всём властям Республики Святого Марка, и те отправили комиссию для разбора жалоб⁵⁰.

До конца войны прежняя тактика России принятия православных на свою службу путём их самостоятельного переселения малыми группами была распространена как на турецких сербов, так и на православных далматинцев, подвластных Венеции. О переселении как своего народа в целом, так и персонально своих родственников, живущих в Венгрии, просил Петербург далматинский епископ Симеон Кончаревич. Только в этом случае (Кончаревич был уже лично известен петербургским сановникам и самой императрице, и, кроме того, речь шла о подданных Венеции) Кейзерлингу в виде исключения рекомендовалось помочь им, осторожно узнав мнение Вены по поводу их переселения. Если австрийцам они были безразличны, то Кейзерлинг мог попросить содействия в деле переселения далматинцев у австрийских властей⁵¹.

30 мая 1761 г. к Кейзерлингу был отправлен рескрипт, в котором сообщалось, что он освобождается от своей должности в Вене и назначается главой российской делегации на общеевропейский мирный конгресс в Аугсбурге, решение о созыве которого приняли воюющие стороны.

Готовясь к отъезду в Аугсбург, Кейзерлинг, еще не имея инструкций, сам напомнил канцлеру Воронцову о прежнем своём предложении уравнять православных с католиками в государствах Германской империи. Он предло-

⁴⁸ Там же. 1759 г. Д. 4. Л. 132.

⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 297.

⁵⁰ Там же. 1760 г. Д. 4. Л. 199–201.

⁵¹ Там же. 1761 г. Д. 4. Л. 87.

жил и конкретный путь реализации плана: в 7-й статье Вестфальского мира 1648 г. было указано, что иной веры, кроме католической, лютеранской и реформатской (кальвинистской), в германских государствах не должно быть. Кейзерлинг предложил внести в статью и православие, т. е. «изъяснить так, чтоб свободное и беспрепятственное отправление греческой веры в Германии не исключать», если и Россия приглашается быть гарантом будущего мира в Европе. «Сей случай подаст свободу попечению иметь и о всех греческой веры исповедниках, кои в австрийском подданстве находятся и толь сильно утесняются», – писал Кейзерлинг в Петербург⁵².

Сделал курляндец это вовремя, так как ему 8 июня 1761 г. уже была отправлена инструкция для работы на конгрессе, где это положение отсутствовало – Петербург был поглощён мыслями о том, как лучше защитить на конгрессе свои права на присоединение Восточной Пруссии. Поэтому в качестве дополнения к инструкции рескриптом 19 октября того же года Кейзерлингу выражалась благодарность за защиту православных и за предложение изменения 7-й статьи Вестфальского мира в их пользу. Далее предписывалось сообщить иностранным дипломатам, что в случае отсутствия таких изменений Россия не будет гарантом мира⁵³. Можно отметить, что, по оценкам сербских историков, численность православных жителей в Карловацкой митрополии к 1790 г. достигала 650–680 тыс. чел., что составляло половину всех православных подданных австрийского императора⁵⁴.

Кейзерлинг, в ожидании начала конгресса находясь в Регенсбурге, отрапортовал о получении рескрипта 25 ноября (6 декабря) 1761 г.⁵⁵, а ровно через месяц после этого российская императрица Елизавета Петровна скончалась.

На престол под именем Петра III вступил поклонник Фридриха II великий князь Пётр Фёдорович, который, разом перечеркнув все достижения елизаветинской армии и дипломатии, отозвал Кейзерлинга из Аугсбурга и заключил с Фридрихом II сепаратный мир, не выдвинув при этом прусскому королю никаких условий. Екатерина II, свергнув через полгода Петра III, подтвердила выход России из войны. Отозванный в Россию ещё Петром III Г. К. Кейзерлинг стал одним из ведущих внешнеполитических советников новой императрицы, вплоть до своего отъезда в 1763 г. послом в Варшаву. Общеευропейский конгресс так и не состоялся, в 1763 г. мир между воюющими сторонами был заключён в результате отдельных переговоров в Париже (между англичанами и французами) и Губертусбурге (между австрийцами и пруссаками).

Планы Петербурга по защите православных народов в Австрийской монархии путём внесения в тексты международных договоров обязательств её правителей о соблюдении их прав так и не были реализованы. Перспектива становления России в качестве гаранта новой европейской

⁵² Там же. Д. 6. Л. 308–310 об.

⁵³ Там же. Д. 9. Л. 229.

⁵⁴ *Екмечић М.* Указ. соч., С. 93.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 32: Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1761 г. Д. 10. Л. 301–301 об.

системы международных отношений, гаранта прав православных в австрийских владениях была утрачена.

Однако знаменательно, что всего через несколько лет после смерти Елизаветы Петровны, при Екатерине II, по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия подписала с Османской империей Кючук-Кайнарджийский мир, в котором в 7-й статье Порты гарантировала «твёрдую защиту христианскому закону и церквям оногo»⁵⁶. Эта статья стала основой усиления российского влияния в среде православных народов Турции, позволила Петербургу выступать с представлениями в защиту своих единоверцев.

Длительная борьба российской дипломатии времён Елизаветы Петровны за соблюдение прав православных в австрийских владениях, подошедшая к логическому финалу, так и не увенчалась успехом, виной чему стали как антинациональные действия сменившего Елизавету Петровну Петра III, так и внешнеполитическая деятельность Екатерины II, отказавшейся продолжать политику Елизаветы и подтвердившей выход России из Семилетней войны.

Список литературы

1. *Zapović S. Šćerpan Mali / Prig. D. Kujović i M. Milić. Podgorica, 2010.*
2. *Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992). Београд, 2011.*
3. *Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в середине XVIII века (От Ахенского мира до начала Семилетней войны). М., 2012.*
4. *Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.*
5. *Костяшов Ю. В. Ёван Балевич и его «Описание Черногории» // Славяноведение. 1998. № 1.*
6. *Костяшов Ю. В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.*

«THE SERBIAN AFFAIR» IN THE RUSSIAN-AUSTRIAN RELATIONS DURING SEVEN YEARS WAR 1756–1763

M. Ju. Anisimov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of the Russian history

In days of Seven Years War (1756-1763) Russia and Austria were allies on struggle against Prussia. Despite it, their relations were complicated by the Serbian question. Petersburg did constant representations in protection of the Austrian Serbs against oppressions of Catholics, but the situation did not change. As a result Russian government has decided to draw on the future

⁵⁶ *Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 352.*

post-war peace congress on inclusion in the all-European peace treaty a guarantee of the rights of Orthodox in the German earths. Plans of Russian protection of Orthodox in Europe have not been realised because of an exit of Russia from Seven Years War after death of Empress Elizabeth Petrovna.

Keywords: *Seven Years War, the Russian-Austrian relations, the Russian-Serbian relations, the Russian diplomacy.*

Об авторе:

АНИСИМОВ Максим Юрьевич – Российская академия наук, институт российской истории, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, e-mail: anisimovm@list.ru

About the authors:

ANISIMOV Maksim Yur'evich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History (117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: anisimovm@list.ru

References

- Anisimov M. Yu. Rossiiskaya diplomatiya v seredine XVIII veka (Ot Akhenskogo mira do nachala Semiletnei voiny). M., 2012.
- Druzhinina E. I. Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie). M., 1955.
- Kostyashov Yu. V. Iovan Balevich i ego «Opisanie Chernogorii» // Slavyanovedenie. 1998. № 1.
- Kostyashov Yu. V. Serby v Avstriiskoi monarkhii v XVIII veke. Kaliningrad, 1997.

Статья поступила в редакцию 27.03.2013